

Гуторов Владимир Александрович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель Санкт-Петербургского отделения Российской Ассоциации политической науки (РАПН).
Санкт-Петербург, Россия

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ¹

Статья посвящена теоретическому анализу специфических особенностей исторической эволюции либеральной традиции в России в XVIII-XX вв. Одна из главных особенностей этого процесса состоит в том, что русский либерализм практически всегда развивался именно как ответная реакция на нападки со стороны более мощных консервативных, а в дальнейшем и социалистических конкурентов и противников. К началу XX в. существенное отличие России от Западной Европы и США заключалось в том, что процесс формирования политических партий в эпоху первой русской революции во многом определялся политическими радикалами. Эти и другие моменты создают определенные препятствия для разработки научной типологии русского либерализма. Кроме того, в российском дискурсе и культуре само понятие «либерализм» всегда отличалось изначальной крайней расплывчатостью и неопределенностью. В российской общественной мысли сама по себе проблема определений либерализма всегда, вплоть до наших дней, оставалась крайне запутанной и отягощенной бесконечными, полемически окрашенными трактовками. На протяжении всего XIX в. шли бесконечные, десятилетиями длившиеся споры между сторонниками и противниками либерализма относительно того, кого именно в России следует именовать подлинным либералом. Возможно, наиболее плодотворной представляется попытка представить эволюцию отечественной либеральной мысли и политики в рамках логического континуума, охватывающего все без исключения идеологические направления. Крайними точками этого континуума являются *праворадикальный абсолютизм*, с одной стороны, и *леворадикальный нигилизм*, — с другой. Все остальные формы либерализма располагаются в среднем сегменте континуума, знаменуя постоянное стремление его идеологов найти «средний путь» между крайней монархической реакцией

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 21-011-31167 «Неолиберализм в современном политическом дискурсе: “посттрадиционный порядок” и кризис идентичности».

и явно обозначившейся в начале XX в. угрозой леворадикального социалистического переворота. В теоретическом плане исходные предпосылки концепции логического континуума были определены в трудах выдающегося итальянского политолога Джованни Сартори в процессе разработки эвристической модели анализа тоталитарных и авторитарных диктатур.

Ключевые слова: либеральная традиция, политический дискурс, политическая культура, праворадикальный абсолютизм, леворадикальный нигилизм, консерватизм, социализм, политическая теория, теоретический континуум.

Разработка современной типологии российского либерализма с учетом особенностей его исторической эволюции и современных модификаций является чрезвычайно трудной задачей. Наглядное тому доказательство — отсутствие в современной зарубежной и отечественной научной литературе сколько-нибудь масштабных теоретических разработок в этом плане. Существующие в современной западной политической науке классификационные характеристики выглядят несколько спорадическими и в конечном итоге восходят к скептическим выводам М. Вебера начала XX в. относительно перспектив реализации конституционного проекта в России. Отмечая в работе «К положению буржуазной демократии в России», почему данный проект будет выглядеть тем больше «антиисторическим», чем больше будет в нем заимствований из современного международного конституционного права, М. Вебер так пояснял свою основную мысль, которая, до известной степени подводила итог его переписки с русскими либералами (Б.А. Кистяковским и др.) в период революции 1905–1907 гг.: «Но что же, собственно, в сегодняшней России является историческим? За исключением церкви и крестьянской сельской общины... решительно ничего, если не считать унаследованной от татарских времен абсолютной власти царей, которая сегодня, после раздробления (*Zerbröckelung*) всего того “органического” образования, накладывавшего отпечаток на Россию 17 и 18 столетий, висит в воздухе в состоянии полной антиисторической “свободы”. Страна, которая не более, чем столетие назад, обнаруживала в своих наиболее “национальных” институтах значительное сходство с империей Диоклетиана, в самом деле не может проводить никакой “исто-

рически” ориентированной, и при этом все же жизнеспособной, реформы»¹.

Своеобразный научный комментарий к данному суждению М. Вебера был дан Т. Макданьелом, американским социологом, широко известным в научном мире специалистом в области истории российской общественной мысли и теории модернизации, в работе «Автократия, капитализм и революция в России». «Поздняя царская Россия, — отмечал он, — была неудобной комбинацией капитализма без каких-либо удобоваримых политических аксессуаров и автократии без какой-либо социальной политики, которая могла бы придавать ей легитимность... Вследствие неадекватного развития административного права царское правительство было составлено из соперничающих саграпий, каждое министерство не координировало свою деятельность с другими, зачастую преследуя противоположные цели... Правительственный беспорядок был очевиден как на идеологическом, так и на организационном уровнях. В последние десятилетия царского правления все находилось в постоянном движении. Западные институты и идеи импортировались, но не ассимилировались. Традиционные модели деградировали, но не настолько, чтобы многие консерваторы оставили надежду их оживить. Эти конфликтующие взгляды на будущее России просматривались не только исключительно в вопросе о положении рабочих, но также и в спорах о крестьянской общине. С одной стороны, консерваторы оказывали предпочтение традиционным институтам, потому что они намеревались поддерживать патриархальные отношения и воспрепятствовать появлению безземельного крестьянства. Странники реформ критиковали их экономическую инертность и желали стимулировать процесс создания процветающего крестьянства в качестве бастиона для

¹ *Weber M. Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland // Gesammelte politische Schriften. Hrsg. von Johannes Winkelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1988. S. 33–34; см. также: Медушевский А.Н. Б.А. Кистяковский как социолог права и конституционалист // Кистяковский Б.А. Избранное: В 2 ч. Ч. 1 [сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 12 сл.*

автократии... Интересно отметить, что именно правительство стремилось обеспечить равновесие сил, даже если последнее значительно уменьшало его относительный социальный вес... Бюрократический либерализм включал в себя изрядную долю традиционализма, конфликт между соперничающими системами принципов был всеобъемлющим, разделяя министерства изнутри, иногда даже превращая отдельных бюрократов в подобие шизофреников. Такого рода либеральные идеи многими встречались враждебно. Апеллируя к темам, глубоко укоренившимся в автократической традиции, скептически настроенные оппоненты с недоверием относились к самостоятельному действию общественных групп и настаивали на том, чтобы государство взяло на себя ответственность по надзору за классовыми отношениями. Они противодействовали профсоюзам и стачкам, предпочитая правительственное регулирование и полицейское вмешательство... Привнесение и влияние либеральных идей делали старую автократическую модель более экстремистской. Ее сторонники, проецируя данную модель на идеологический уровень, все более и более утрачивали связь с социальной реальностью. Либеральные идеи, в свою очередь, строго ограничивались конфликтным процессом, в то время как в Англии — их первоначальном доме — они возникали постепенно как составная часть общего процесса изменения. Соответственно, правительство не могло не оказаться парализованным в своем стремлении решать вопрос, чрезвычайно важный для его выживания. Оно не имело твердых принципов или идей, чтобы лицом к лицу встретиться с современным миром. Это была одна из причин “ужасающей духовной нищеты” режима, о которой Макс Вебер писал после революции 1905 года»¹.

Основу такого состояния дел Т. Макданьел усматривал в том, что процесс модернизации и индустриализации России резко контрастировал с типами модернизации, реализованными в промышленно развитых странах в этот исторический период и опре-

¹ *McDaniel. T. Autocracy, Capitalism, and Revolution in Russia. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1988. P. 28–31.*

делявшими форму государства, конфигурацию элит, характер рабочего движения и социального изменения.

Первый тип, условно называемый «либеральной индустриализацией», был представлен Великобританией. В рамках данного типа государство относительно дифференцировано от общества и не является мотивирующей силой модернизации. Промышленные группы динамичны, уверены в себе и обладают внушительным авторитетом и легитимностью. Аграрная элита не зависит целиком от государства и сравнительно открыта вызовам и потребностям индустриализации. Политические лидеры и социальные элиты восприимчивы к социальным реформам. Одним из результатов такой установки является компромисс с рабочим классом как ключевой момент формирования либеральной демократии.

Другой тип был представлен Германией и Японией. В его рамках государство было гораздо более вездесущим по сравнению с либеральной моделью, но в сравнении с Россией положение социальных элит не было столь подорванным. Иерархия пронизывала социальную структуру в отличие от России, где первая была лишена структурной основы. В Германии промышленники в XIX в. вступили в альянс с юнкерами и государственной бюрократией в качестве младшего, но влиятельного партнера, постепенно приобретая все большее значение и авторитет. По мнению Б. Мура, в Германии и Японии феодальные традиции выживали вместе с сильным элементом бюрократической иерархии, в то время как Россия и Китай были, скорее, аграрными бюрократиями, чем феодальными политиями. Поскольку, по его же предположению, феодальные традиции являются более благоприятными для легитимации капитализма, чем автократические традиции, Германия и Япония могут рассматриваться в качестве образца *феодального капитализма*. В отличие от России феодальные капиталистические режимы были способны дать ответ на вызовы рабочего движения и осуществить защиту интересов рабочих в обмен на их лояльность. Тем самым рабочий класс не оказался бесправным, но занимал примирительные (японский случай) либо реформистские позиции (как в Германии).

Россия, где промышленная буржуазия была слаба, на рубеже XIX — XX вв. оказалась ближе к третьему типу «зависимого капиталистического развития», в рамках которого государство, являясь всеобъемлющим и обладая гораздо большей свободой действовать в любом направлении, тем не менее неспособно определять социальные отношения. Он действует в качестве «властного брокера» среди крайне фрагментированных элит, примирая интересы традиционных аграрных групп, экспортеров, новых промышленников и стремясь время от времени превращать рабочий класс в своего союзника.

В конечном итоге Россия в начале XX в. оказалась в довольно архаической для своего времени ситуации, хорошо описанной Алексисом де Токвилем в работе «Старый порядок и революция»: деспотизм разрушает иерархию и взаимные отношения между социальными группами и, лишая последние опыта, необходимого для приобретения умеренности в поведении и суждениях, готовит почву для массовых революционных движений. Атомизируя общество, автократический режим становится все более подверженным революционному кризису, охватывающему государство и общество¹.

Основываясь на выводах, близких по содержанию к идеям Т. Макданьела, К. фон Бейме в работе «Политические теории в России. 1789–1945» отмечал, что в сравнительной перспективе, при всем многообразии русского теоретического ландшафта, на международном уровне интерес представляли только христианская религиозная мысль «правого толка» и левая социалистическая и анархистская мысль. «Лишь русские либералы оставались без внимания», поскольку трудно ответить на вопрос, применимы ли были вообще к России традиционные для Запада категории «либерализм / радикализм, консерватизм, социализм / анархизм / коммунизм»². «В России в эпоху царя Александра [I] имелись, как

¹ Ibid. P. 33–35, 49; см. также: *Гуторов В.А.* К проблеме концептуальных оснований теории модернизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Сер. 6. Вып. 2. С. 4–23.

² *Бейме К. von.* Politische Theorien in Russland. 1789–1945. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2001. S. 10–11.

в Германии и Испании, предпосылки для “чиновничьего либерализма” (Beamtenliberalismus). М.М. Сперанский (1808–1812) как ведущий государственный деятель представил царю реформаторские законы. Конституционная монархия, которая в Западной Европе привела к компромиссу между революцией и монархическим принципом, не могла возникнуть в России ввиду отсутствия предпосылок для национального представительства... Система земств до 1864 г. не получила ни единого шанса, и до 1906 г. в первой Думе отсутствовало представительство нации в целом»¹. «Характер развития мысли западников лишь изредка трансформировался в либерализм. Гегельянство приобрело либеральное направление лишь в его правогегельянском варианте, как, например, у Чичерина»².

Идеи Чичерина, Ковалевского, Кистяковского и Струве объединяются К. фон Бейме в специальной главе под рубрикой «конституционные либералы», значительная часть которых, по его мнению, в дальнейшем эволюционировала в либерально-консервативном направлении. «В России, — отмечает он, — либеральному консерватизму чичеринской чеканки не было суждено даже видимости процветания как [это было] в Пруссии. Лишь только либералы слегка обозначали пожелания конституции, они увольнялись со службы. И все же они становились консервативными. Такие ультра-реакционеры как Катков и Победоносцев когда-то начинали в качестве либералов. Либералы не заходили слишком далеко вправо, но стремились оставаться способными к диалогу в целях поддержки автократии»³.

Следует отметить, что подобный же подход, основанный на комбинации поверхностного классификаторства с более или менее пристальным вниманием к тем или иным мыслителям, персонализирующим либеральное направление русской общественной мысли, свойственно большинству западных и отечественных исследователей. Например, в сравнительно недавно изданном сборнике статей и эссе «Российский либерализм: идеи и люди»

¹ Ibid. S. 8.

² Ibid. S. 29.

³ Ibid. S. 40–41.

под редакцией А.А. Кара-Мурзы было представлено беспрецедентно большое количество «творческих биографий» деятелей российского либерального мира (почти 100!): от Н.И. Новикова и М.А. Фонвизина до А.Д. Сахарова¹. Все они рассматриваются как выразители универсальной идеи «либерального социокультурного проекта». «Либеральный социокультурный (и в этом контексте — политический) проект... состоит в том, чтобы промыслить и реализовать *срединный путь* между деспотизмом и хаосом, между Сциллой неправовой “Власти” и Харибдой неправовой “Антивласти”. Роль Запада, как устоявшегося идентификационно-го зеркала для мыслящей России, становится, таким образом, более отчетливой: *путь Запада* является для российских либералов не только *образцом* для подражания, но и важным историческим *уроком*. И в этом смысле уроки западноевропейских революций (в первую очередь Французской) также лежат в основе зарождения и развития отечественного либерализма. Реализация срединного, либерального пути связана в первую очередь с расширением личных прав и свобод и — параллельно — круга индивидуальной и общегражданской ответственности. Импульсы к реализации этой стратегии, как показывает опыт, могут исходить как от самой власти (реформаторство сверху), так и от становящейся все более ответственной (т.е. не скатывающейся ни в нигилизм, ни в угодничество) оппозиции. В этом общелиберальном проблемном поле неизбежно возникают внутренние, иногда чрезвычайно острые противоречия, поэтому конечный успех срединной стратегии зависит от степени просвещенности и толерантности не только “власти” и “народа”, но и самого либерального лагеря»². Этим рассуждением типология российского либерализма практически исчерпывается и на передний план выдвигается «галерея портретов» тех, кто, по мысли главного редактора, внес в данный проект наибольший вклад.

В более раннем издании «Либерализм в России», опубликованном в 1996 г. проблемам типологии уделялось гораздо боль-

¹ Российский либерализм: идеи и люди. Под общей редакцией А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2007.

² Там же. С. 15–16.

ше внимания¹. Однако, как это не парадоксально, авторы статей, вошедших в сборник, отдавали предпочтение преимущественно универсальным классификациям либерализма, многократно воспроизведенным в том или ином виде в послевоенный период в западной научной литературе, в то время как в плане исследования отечественной либеральной традиции единственным достижением издания, на наш взгляд, можно считать попытку введения в научный оборот таких понятий как «протолиберализм» и «паралиберализм» для характеристики, например, либеральных форм общественной мысли и практики в эпохи Екатерины II, Александра I и др.²

Поразительной представляется, прежде всего, сама академическая тональность, с которой редакторы монографии незадолго до дефолта и на фоне экономической катастрофы, обрушившейся на страну в результате «реформ» отечественных либералов, взяли на себя роль своеобразных культуртрегеров, обучающих основам либерализма не только читающую публику, но и пришедшую к власти новую политическую элиту. «Спросите наугад любого встречного, — пишет автор предисловия к сборнику проф. В.Ф. Пустарнаков, — знает ли он, чем отличается либерал от демократа? Почему Егор Гайдар, когда его назвали “радикальным демократом”, вроде бы обиделся и счел нужным отнести себя к “консервативным либералам”? Кто толком объяснит, почему “отпуск цен”, “либерализация цен” почитались мерой правительства, именовавшего себя демократическим, а в журналах появлялись статьи на тему “Либералы у власти”? Хотя Г. Бурбулис, будучи еще Государственным секретарем, вполне определенно квалифицировал идеологию тогдашнего правительства как либерализм, создавалось впечатление, что другие официальные лица не жаждали прослыть приверженцами либерализма и предпочитали именовать себя демократами. Думается, что подавляющее большинство не только масс, но и элиты нашего общества не отдает себе даже приблизительного отчета в том, что такое либерализм,

¹ Либерализм в России. М.: Институт философии РАН, 1996.

² Там же. С. 78–96, 221–315.

что такое либеральная программа, либеральная политика и т. д. Могут ли они в таком случае составлять действительно либеральные или антилиберальные программы или делать сознательный выбор, скажем, на выборах?»¹.

Автор предисловия, впрочем, никак не прокомментировал желание Гайдара именоваться «либеральным консерватором», а не «демократом», хотя объяснение «лежало на поверхности». Твердокаменный марксист в недавнем прошлом и главный редактор журнала «Коммунист», Гайдар даже при таком интеллектуальном багаже не мог, конечно, не знать, что инициированные ельцинской администрацией и возглавляемым им правительством «либеральные реформы» не имели никакого отношения к реализации западной модели либеральной демократии, которая в современной политической теории почти тождественна понятию «гражданское общество» (в классическом либеральном, а не постмодернистском его понимании). Идея, согласно которой современная концепция гражданского общества не только тесно связана с традицией демократической теории, но само его понятие на Западе является, по существу, эквивалентом либеральной демократии, ни для кого не представляет загадки. «Для того, чтобы сегодня демократия процветала, — отмечает английский политолог Д. Хелд в широко известной работе «Модели демократии», — она должна быть переосмыслена как двухсторонний феномен: с одной стороны, она стремится к преобразованию (*re-form*) государства, а, с другой стороны, к реструктуризации гражданского общества... Принцип автономии может быть приведен в действие только путем признания абсолютной необходимости “двойной демократизации”, а именно — взаимозависимой трансформации и государства, и гражданского общества. Предпосылкой такого процесса должно стать признание как того принципа, что разделение между государством и гражданским обществом должно быть основной чертой демократической жизни, так и понимание того, что право принимать решения должно быть свободным от каких-либо форм неравенства

¹ Там же. С. 3.

и притеснений, которые навязываются частным присвоением капитала. Но, разумеется, признать важность обеих этих позиций означает существенное переосмысление традиционных толкований данных понятий»¹.

Такого рода теоретические наблюдения были отражением вполне реального процесса, предпосылки которого наметились в Западной Европе и США со второй половины XX в. Результатом данного процесса становится, прежде всего, основополагающий консенсус относительно всеобщих политических ценностей: равенства, гражданских прав, демократических процедур принятия решений на базе признания существующих социальных и политических институтов. Был провозглашен курс на прогрессирующую стабильность, взаимопроникновение взглядов представителей различных классов на принципиальные социально-политические проблемы, постепенное исчезновение конфликтов².

Разумеется, в посткоммунистической России 1990-х гг. ни о каком гражданском обществе и идеологическом консенсусе никто из серьезных ученых, знакомых с послевоенной историей, рассуждать не мог. Советская система с самого начала была воспроизведением на новом витке исторической спирали бюрократического, «приказного» типа государственного и политического управления, в свое время хорошо обрисованного А.Д. Градовским³. В большинстве посткоммунистических стран идеал гражданской свободы также оказался первоначально реализованным в новом государственном аппарате и новой бюрократии. По своему характеру эти социальные структуры составляли явный контраст западным традициям. Причины, обусловившие

¹ *Held D. Models of Democracy. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1987. P. 283; см. также: Гуторов В.А. Современные концепции гражданского общества // Гражданский Форум. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2001. С. 47–56.*

² См., например: *Beume K. von. Liberalismus. Theorien des Liberalismus und Radikalismus im Zeitalter der Ideologien. 1789–1945. Wiesbaden: Springer, 2013. S. 29–33.*

³ *Градовский А.Д. Прошедшее и настоящее // Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 6. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. С. 273–308.*

новый, слегка либерализированный пароксизм традиционной бюрократической матрицы, были, конечно, различными. В России с ее традициями патриархальной монархической и тоталитарной коммунистической политической культуры концепция либеральной демократии и гражданского общества, будучи встроенной в догматический псевдолиберальный проект, оказалась еще более идеологизированной и далекой от реальности. Антитоталитарная направленность этой концепции с примесью традиционной антикоммунистической риторики приводила, как правило, к тому, что она искажала и камуфлировала реальный процесс разложения советского общества в направлении формирования неонеоменклатурного государства, нуждавшегося именно в идеологических мутантах либерализма и демократии, а не в действительном развитии гражданского общества в качестве противовеса государству.

Реализация неолиберального проекта в посткоммунистической России имеет свою предысторию. «После Второй мировой войны в Европе возникло множество социальных демократий, христианских демократий и государств с централизованной системой управления. США превратились в либеральную демократию. В Японии под наблюдением США была выстроена номинально демократическая, а фактически — бюрократическая государственная система, призванная контролировать восстановление страны. Все эти формы государственного устройства имели нечто общее в идеологии: основной задачей государства признавалось обеспечение полной занятости, поддержание экономического роста и благополучия граждан... Такая форма политико-экономической организации в наше время стала называться “встроенный либерализм”»¹. Таким образом в послевоенный период в мире в основном конкурировали две глобальные системы: государственный социализм, построенный в СССР в соответствии с марксистско-ленинским учением и система «встроенного либерализма», в основании которой лежали кейнсианские прин-

¹ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: ПОКОЛЕНИЕ, 2007. С. 21–22.

ципы государственного регулирования экономики¹. «Встроенный, или компромиссный либерализм обеспечивал высокий темп экономического роста в развитых капиталистических странах в 1950–1960-е годы... К концу 1960-х “встроенный либерализм” начал разрушаться и на международном уровне, и в рамках отдельных государств»² и примерно через одно десятилетие ему на смену пришел неолиберализм.

«Тут стоит вспомнить, что первый эксперимент по созданию неолиберального государства был поставлен в Чили после переворота 11 сентября 1973 года... В результате переворота были жестоко подавлены все общественные движения и политические организации левого толка, были уничтожены все формы самоорганизации (например, общественные медицинские центры в бедных районах). Рынок труда был “освобожден” от влияния законодательных или институциональных ограничений (профсоюзы)... Во время в университете Чикаго работала группа экономистов, которую нередко называли “чикагские мальчики” из-за их приверженности неолиберальным теориям Милтона Фридмана. Их пригласили помочь восстановить экономику Чили... Оживление экономики Чили — повышение темпа роста, накопление капитала, рост рентабельности иностранных инвестиций — оказалось недолговечным. Все рухнуло в 1982 году во время глобального долгового кризиса, разразившегося в Латинской Америке. В результате в последующие годы в стране начала применяться прагматическая и гораздо менее идеологизированная версия неолиберализма. Именно эта система и особенно ее прагматизм стали аргументами в пользу поворота в сторону

¹ См. подробнее: *Steffek J. Embedded Liberalism and Its Critics. Justifying Global Governance in the American Century.* N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006; *Kiely R. The Clash of Globalisations. Neo-Liberalism, the Third Way and Anti-Globalisation.* Leiden & Boston: Brill, 2005; *Wattenberg B.J. Fighting Words. A Tale How Liberals Created Neo-Conservatism.* N.Y.: Thomas Dunne Books, 2008; *Harvey D. Spaces of Neoliberalization: Toward a Theory of Uneven Geographical Development.* München: Franz Steiner Verlag, 2005; см. также: *Krasner S.D. Structural Conflict. The Third World against Global Liberalism.* Berkeley, Los Angeles; L.: University of California Press, 1985.

² *Харви Д. Краткая история неолиберализма* С. 22–23.

неолиберализма и в Великобритании (после избрания Тэтчер) и в США (во времена Рейгана) в 1980-е. Уже не в первый раз жестокий эксперимент, проводимый в более отсталых странах, становится основой формирования политики в развитом центре (совсем как эксперименты с единым налогом в Ираке, которые проводились во времена Бремера). Тот факт, что два таких очевидно схожих процесса реструктуризации государственного аппарата имели место под влиянием США, говорит о том, что именно имперское влияние США может лежать в основе стремительного распространения идеологии неолиберализма во всем мире, начиная с середины 1970-х»¹.

Весьма характерно, что значительное ослабление влияния США в начале XXI в. и отчаянные попытки правящих кругов этой страны вернуть былое влияние вызывают постоянные колебания в оценках перспектив глобального неолиберализма вообще и американского либерализма, — в частности. Судя по названиям научных работ, можно сделать вывод, что многочисленным некрологам, квалифицирующим «странную смерть» либерализма, социал-демократии и других идеологий, пока противостоят лишь одиночные рассуждения о странной устойчивости, или «не-смерти» неолиберализма². После победы «бархатных революций» в странах Центральной и Восточной Европы и распада СССР аналогичные неолиберальные реформы стали проводиться и на постсоциалистическом пространстве. Их результаты свидетельствовали о том, что неолиберальная трансформация экономики неизбежно предполагала восстановление классовой структуры общества, концентрации национальных богатств и доходов от их

¹ Там же. С. 18–20.

² См.: *Brands H.W.* The Strange Death of American Liberalism. New Haven and London: Yale University Press, 2001; *Crouch C.* The Strange Non-Death of Neoliberalism. Cambridge: Polity Press, 2011; cp.: Neo-Liberalism, State Power and Global Governance. Edited by Simon Lee and Stephen McBride. Dordrecht: Springer, 2007; *Lavelle A.* The Death of Social Democracy. Political Consequences in the 21st Century. Burlington: Ashgate, 2008; *Blakeley R.* State Terrorism and Neoliberalism. The North in the South. London and N.Y.: Routledge, 2009; *Jones T.* The Revival of British Liberalism. From Grimond to Clegg. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011.

эксплуатации в верхних слоях общества и традиций олигархического правления¹.

Если учесть катастрофические последствия неолиберальных реформ для российской экономики и всех сфер социальной жизни, вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что в стране был проведен по неолиберальным рецептам своеобразный неокOLONИальный эксперимент, одной из целей которого было уничтожение России как мировой державы и ее превращение в сырьевой придаток Запада. В рамках такой перспективы (теперь, можно надеяться, уже ретроспективы) гайдаровский «либеральный консерватизм» может вызывать ассоциации чисто негативного свойства, если, конечно, не учитывать бесчисленные панегирики, периодически транслируемые сегодня теми СМИ, которые контролируются современными наследниками либеральной публики второй половины XIX — начала XX вв. Они, разумеется, игнорируют и стремятся предать забвению тот очевидный факт, что характер данного типа «консерватизма» был по достоинству оценен уже в 1990-е гг. В специфических условиях посткоммунистической России неолиберальные идеи, по меткому замечанию В. Полева-нова (в конце 1994 г. в течение двух месяцев занимавшего пост главы Госкомимущества) очень быстро превратились в вульгарную разновидность марксизма со знаком «минус». «Нерегулируемый рынок, — отмечал он в одном из газетных интервью, — это шизофреническая выдумка Гайдара, Чубайса и прочих, которые отбросили нас к пещерному капитализму конца XVII — начала XVIII в. Рынок сам по себе является ничем иным, как инструментом повышения жизненного уровня народа. Все остальные государства умело пользуются этим инструментом и во главу угла ставят социальную защищенность своих граждан. Мы фактически полностью проигнорировали социальную составляющую новых отношений. Во главу угла поставили элементарное, во многом

¹ Харви Д. Краткая история неолиберализма С. 28–29; см. также: Гуров В.А. Модернизация и посткоммунизм: критические заметки // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 6. Вып. 2. С. 4–15; Kioupiolis A. Freedom after the Critique of Foundations. Marx, Liberalism, Castoriadis and Agonistic Autonomy. L.: Palgrave Macmillan, 2012. Kioupiolis, 2012. P. 226–227.

криминальное перераспределение собственности... Все это почва для расцвета криминальных отношений в стране, превращения России в феодально-бандитское государство¹.

Активно рекламируемые в недавнее время тексты самого Гайдара, представляющие странную смесь характерных для советской историографии пропагандистских клише с обрывками мыслей Милюкова², свидетельствуют о том, что развиваемая им версия *неономенклатурного либерализма* не имеет ни малейшего отношения к традиции русского либерального консерватизма, представленной именами Градовского, Кавелина, Чичерина и Струве. Она является одной из типичных форм *посткоммунистического культурного примитивизма*, где доминирует лишь один стереотип — «*жить как на Западе*». «Философия истории» данного направления совсем недавно была предельно ясно сформулирована Дмитрием Ольшанским: «Либералов сейчас не ругают только ленивый. Но ругают все как-то не за то — и говорят не о том... А ведь есть действительно серьезный, и даже драматичный сюжет, связанный с либералами, который касается не только их, — однажды он может коснуться нас всех. Дело в том, что сейчас — как и в позднесоветские восьмидесятые — у них, вопреки всему, есть хороший шанс куда-то политически “прорваться”. Этот шанс — неугасимая надежда наших элит на примирение с Западом, и потребность в тех фигурах, тех жестах, той риторике, которая могла бы этот союз обеспечить. Разумеется, это не самая близкая перспектива, но она есть — и никуда от нас не уйдет. Примерно то же самое, пусть и во много более мягкой, приличной форме, было и в Советском Союзе лет тридцать назад, когда новое поколение партаппаратчиков тоже хотело подружиться, на-

¹ Полеванов В. Два месяца в вотчине Чубайса // Новый Петербург. 1997. 02.10. № 38; см. также: Добренков В.И. О крахе либерализма в России. Письмо противникам президента В.В. Путина. М.: ООО «МАКС-Пресс», 2004.

² См., например: Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005; *Он же*. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд. испр. и доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006; *Он же*. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009 и др.

конец, с Маргарет Тэтчер и Гельмутом Колем. И тогда — именно через них, “сверху”, — либералы получили шанс за каких-то два года свалить КПСС. Но примирение примирению рознь. Да, мотивы элит очень похожи. Но тридцать лет назад на стороне элит был советский народ. Простая и понятная идея — “отменим совок и будем жить как нормальные люди на Западе, с джинсами и видеомэгнитофоном” — захватила страну, и благодаря этой, всем доступной идее, либералы получили огромный кредит доверия, который они тратили и тратили, пока не пришел 1998, а за ним и 1999 год, дефолт и бомбардировки Белграда, после чего этот кредит был окончательно обнулен. Но он был. И любовь к Ельцину — тоже была, как ни грустно об этом вспоминать. Были очень наивные, но зато эмоциональные западнические иллюзии — что еще немножко, и мы вот-вот, буквально завтра станем одной общностью с Европой и Америкой. А теперь этих иллюзий нет... Мы часто думаем о 1991 году — как о страшном образце обрушения государства, — но было ведь и намного более страшное обрушение, в 1917-м. А 1917 год — это как раз то самое время, когда либералы получили власть, не имея, в отличие от эпохи джинсов и видеомэгнитофонов, никакой программы для революционного большинства. У них были только “война до победного конца” и “оставим все как было, просто без царя”. Результат нам известен: либералов быстро выгнали, но следом погибла и страна. Новая “перестройка”, новая “перезагрузка” — если, не дай Бог, она случится, — может пойти по тому же сценарию. Несколько месяцев, год, от силы два — в режиме беспомощного и карикатурного управления, а потом распад и смерть. Без всяких джинсов. Без всяких иллюзий. Просто провал в никуда. Не 1992 год в финале либерального эксперимента — трудный, тяжелый, позорный, но все-таки сносный, — а 1918-й. Будем надеяться, что нам удастся этого избежать. Но помнить о такой вероятности — надо»¹.

Комментируя аналогичные сверхнаивные рассуждения, ставшие в конце 1980-х — начале 1990-х гг. своеобразным идеоло-

¹ *Ольшанский Д.* Либералы еще способны на политический прорыв // Ум+. 2016. 26 Июня. URL: <https://um.plus/2016/06/26/liberaly-eshhyo-sposobny-na-politicheskij-prory-v/>

гическим «брендом» посткоммунистического вульгарного либерализма, немецкий политолог Г. Шёпфлин вполне справедливо отмечал: «Но ведь не-символическая Европа Запада была очень отлична от мифа и символической “Европы”, которая оказывала такое воздействие в 1980-е годы. В действительности “Европа” существовала как удвоенная цель — как культурное устремление и как членство в ЕС, как система институтов, практик, процедур, в которых посткоммунистические страны были по большей части несведущи и считали их непригодными для своих потребностей... Принципы либеральной демократии и демократического плюрализма могут функционировать только в том случае, если они соответствуют существующим политическим, социологическим и культурным реалиям. Решающий момент состоял в том, что процесс трансформации, повсеместно, но определенно неуместно обозначаемый как “транзит”, вызвал к жизни трудность, не поддающуюся общему диагнозу — разграничение между согласием осуществлять власть и самой демократией»¹.

На наш взгляд, дикое состояние «первоначального накопления», в которое Гайдар и его команда ввергли современную Россию в начале 1990-х гг., делает предельно актуальными критические характеристики, данные когда-то русскими либеральными консерваторами западной либеральной апологетике эпохи «первоначального накопления», пройденной Западной Европой во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. «Существенный порок либерализма как теории и как практики, — отмечал А.Д. Градовский, один из виднейших теоретиков русского либерального консерватизма второй половины XIX в., т.е. того направления, с которым Гайдар столь опрометчиво поспешил себя

¹ *Schöpflin G. Liberal Pluralism and Post-Communism // Can Liberal Pluralism Be Exported. Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe. Edited by Will Kymlicka and Magda Opalski. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 110; ср.: Bellamy R. Liberalism and Pluralism. Towards a Politics of Compromise. N.Y., L.: Routledge, 2001. P. 190–192; см. также: The Meaning of Liberalism: East and West. Edited by Zdenek Suda and Jiri Musil. Budapest: CEU Press, 2000; Gutorov V. Citizenship, National Identity and Political Education: Some Disputable Questions // Studies of Transition States and Societies (STSS). 2015. Vol.7. Issue 1. P. 77–93.*

отождествить, можно определить в немногих словах: он рассматривает общество и его учреждения, как совокупность *внешних* условий, необходимых только для *существования* отдельных лиц, составляющих это общество. Самое общество является простым *механическим* собранием неделимых, не имеющих между собою внутренней связи. Общественные теории XVIII века отпращивались от гипотезы *единичного* человека, взятого вне общества... Либеральная доктрина, покончив с корпорациями, во имя их привилегий, и с обширную деятельность власти, во имя ее старинных злоупотреблений, обратила все свое внимание на вопрос об *организации* общества на началах личной свободы. Но она оставила без рассмотрения вопрос о том, как будет *действовать* человек в новой организации и должно ли “общество” быть не только “собранием неделимых”, но и действительной организацией, способною также к *действию* на общую пользу — этот вопрос остался открытым... В тридцатых годах нынешнего столетия англичанин Карлейль сделал мимоходом следующее злое замечание: “Корпорации всех родов исчезли. Вместо своекорыстных союзов у нас (во Франции) очутилось двадцать четыре миллиона людей, не связанных никакими корпорациями, так что правило: «человек помогай сам себе» — произвело тесноту, давку, из которой люди выходят с помертвелыми лицами и раздробленными членами. Словом, изображают такой хаос, куда страшно и заглянуть”»¹.

Пожалуй, единственное, что, до известной степени, сближает Гайдара сотоварищи с отечественной традицией политической мысли и политики, проявляется, на наш взгляд, в неистребимой убежденности российских интеллектуалов и общественных деятелей XIX века в том, что в некоторые кризисные периоды истории отдельные узкие и однородные по составу корпорации могут не только представлять, но и заменять весь народ в целом. Характерный пример такой мировоззренческой установки приводит В.С. Лопатин, издатель личной переписки Екатерины II

¹ Градовский А.Д. Общество и государство // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 3. С. 67, 71–72.

и Г.А. Потемкина: «Основатель и бессменный издатель (в течение почти полувека!) журнала “Русский Архив” П.И. Бартнев был страстным почитателем великой государыни. “Екатерина II, ее царствование, ее судьба, ее великие заслуги перед Россией занимают меня с юношеских лет моих, — вспоминал Бартнев. — Мой профессор С.М. Соловьев сочувствовал моей приверженности к славной ее памяти. И он считал, что ее воцарение было делом народного избрания, так как тогдашняя гвардия была представительницей всех сословий русского народа (некоторые утверждают даже, что это избрание было законнее избрания Михаила Федоровича)...”»¹.

Вполне осознавая, что даже при современном уровне изучения российского либерализма, достигнутом общественными науками в России и за рубежом, создание всеобщей его типологии является пока преждевременным, все же можно предположить, что ученым, безусловно, следует стремиться к поиску компромиссных решений, шаг за шагом приближающих к решению этой в высшей степени сложной задачи. Одним из этих шагов, на наш взгляд, является попытка представить эволюцию отечественной либеральной мысли и политики в рамках логического континуума, охватывающего все без исключения идеологические направления, крайними точками которого являются *праворадикальный абсолютизм*, с одной стороны, и *леворадикальный нигилизм*, — с другой. Все отмеченные выше формы либерализма располагаются в среднем сегменте континуума знаменуя постоянный постоянное стремление его идеологов найти «средний путь» между крайней монархической реакцией и явно обозначившейся в начале XX в. угрозой леворадикального социалистического переворота.

В теоретическом плане исходные предпосылки концепции логического континуума были определены в трудах Джованни Сартори в ходе разработки им эвристической модели анализа тоталитарных диктатур. По его мнению, «неожиданный элемент

¹ Лопатин В.С. Письма, без которых история становится мифом // Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. Издание подготовил В.С. Лопатин. М.: «Наука», 1997. С. 479.

тотального господства в наше время состоит в том, что оно может быть наложено не только на общества с традиционно деспотическим правлением (такие как Россия и Китай), но также на общества, взращенные христианской, либеральной и либерально-демократической традицией и вышедшие из нее»¹. Предлагаемая им модель анализа тоталитарных систем очень органично соединяет, на наш взгляд, интеллектуальные усилия представителей различных научных направлений, открывая тем самым новую перспективу объективного, неидеологизированного подхода к данной проблеме. Отвечая на вопрос — каким образом вообще возможна эмпирическая идентификация режима в качестве тоталитарного, Сартори подчеркивал, что структурные элементы тоталитарного господства распознаются скорее в рутинных формах, нежели в перманентных чистках и концентрационных лагерях. Эти формы и позволяют выделить нечто вроде веберовского «идеального типа», который лучше назвать «полярным типом». Это означает, что «тоталитаризм состоит из всех характеристик репрессивных режимов, доведенных до высшего пункта их возможного совершенства»². Абсолютной противоположностью тоталитаризма в идеальном плане является демократия. «Это предполагает, что ни от одной конкретной системы нельзя ожидать, чтобы она была “чисто” тоталитарной, точно так же, как ни одна конкретная демократия не может рассматриваться как чистая демократия»³. В том континууме, который предстает перед нашим взором, пространство между тоталитарными и демократическими режимами можно заполнить при помощи адекватной концепции авторитаризма. Это не предполагает апологию авторитарной политики, но означает только несостоятельность аргумента *ad hominem* при разграничении тоталитаризма и авторитаризма. Отдельные диктаторы могут превзойти в жестокостях тоталитарные диктатуры,

¹ Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers, Inc., 1987. P. 194; см. также: Гуторов В.А. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.

² Ibid., 200.

³ Ibid.

но при этом не достичь такого воздействия на людей и контроля над общественными структурами, которые имеют место в диктатурах тоталитарного типа. Чем больше система в этом преуспевает, тем меньше возникает необходимость прибегать к откровенному принуждению. Именно это обеспечивает долговременность и преемственность тоталитарной системы, тогда как личная диктатура редко переживает своего создателя. Причиной этого является сохранение независимости и автономии отдельных политических структур и групп. Установление же тоталитарной диктатуры означает «предельное уничтожение всех подсистем».

Концепция континуума Сартори позволяет ее создателю в другой своей работе «Партии и партийные системы», например, выявить еще одну историческую особенность либеральной политики и идеологии, а именно — приверженность его адептов принципам партий и партийной борьбы в противоположность тем сторонникам традиционных консервативных ценностей, которые на протяжении последних двух веков эти принципы отрицали и резко критиковали¹. «Партии, — отмечает он, — соответствуют и определяются *Weltanschauung* либерализма. Они невообразимы с точки зрения представлений о политике Гоббса или Спинозы... Теория конституционного правительства от Локка до Коука, от Блэкстона до Монтескье, от *Федералиста* до Констанана не оставляла для них места и определенно в них не нуждалась... Отношение между плюрализмом и партиями улавливается с трудом и часто выглядит едва заметным. Плюрализм является глубоким тылом, исходным фактором и его связь с партийным плюрализмом едва ли является прямой связью»².

Такого рода теоретическая позиция, конечно, была далека от воспроизведения старых аргументов, которые в свое время постоянно приводил К. Шмитт в своей бескомпромиссной критике

¹ *Sartori G. Parties and Party Systems. A Framework for Analysis. Colchester: ECPR Press, 2005; см. подробнее: Гуторов В.А. Голлизм и современная Россия: утрата и обретение традиции // Гуторов В.А. Политика: наука, философия, образование. СПб: СПбГУ, Факультет Политологии, 2011. С. 73–98.*

² *Sartori G. Parties and Party Systems. P. 12–13.*

либеральной политики: «Он описывал плюрализм, публичность, дискуссию и представительство, практики разделения властей, судебной перепроверки и мажоритарных выборов, а также такие институты как западноевропейский парламент как дезориентирующие и опасные попытки, которые только до крайности парализуют современное государство»¹.

Однако обозначенная Сартори теоретическая акцентировка внезапно оказалась предельно актуальной в свете постоянных неудач, которые испытывали в 1990-е гг. посткоммунистические правительства (включая российское) в реализации базовых принципов либеральной демократии. Спонтанно возникшая в этот период дискуссия о нелиберальной демократии является в этом плане особенно показательной. «В недавней статье, — отмечал, например, в самом начале XXI в. Р. Саква, — Фарид Закария имплицитно стал поддерживать точку зрения Раймона Арона относительно того, что концепция “конституционного плюрализма” является во многих случаях более корректной, чем формула “либеральной демократии”. Закария устанавливает различие между *либеральной демократией*, определяемой как “политическая система, для которой характерны не только свободные и честные выборы, но также правовое государство, разделение властей и защита основополагающих свобод — слова, собраний, религии и собственности” (такую систему он называет конституционным либерализмом) и нелиберальной демократией. В последней “демократически избранные режимы — часто такие, которые были переизбраны и утвердили себя через референдумы — рутинно игнорируют конституционные ограничения своей власти и лишают своих граждан основных прав и свобод”. Для Закария регулярная постановка относительно честных, соревновательных, многопар-

¹ *McCormick J.P.* Carl Schmitt's Critique of Liberalism. Against Politics as Technology. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 2; cp.: *Hansen K.* Feindberührungen mit versöhnlichen Ausgang — Carl Schmitt und der Liberalismus // Carl Schmitt und die Liberalismuskritik. Klaus Hansen/Hans Lietzmann (Hrsg.). Opladen: Leske + Budrich, 1988. S. 9–14; *Maschke G.* Drei Motive im Anti-Liberalismus Carl Schmitts // Carl Schmitt und die Liberalismuskritik. Klaus Hansen/Hans Lietzmann (Hrsg.). Opladen: Leske + Budrich, 1988. S. 55–80.

тийных выборов может сделать страну демократической, но она не обеспечит хорошее правление»¹.

В книге «Агония русской идеи», опубликованной в 1996 г., т. е. на самом пике российской экономической катастрофы, Тим Макдэниел вполне категорично и справедливо утверждал: «Полдесятилетия прошло с тех пор как советский коммунизм канул в забвение и как раз настало время оставить в покое некоторые умиротворяющие иллюзии. Россия не движется по пути западного прогресса. За советским коммунизмом не последовала более высокая стадия развития. Внутри коммунистической системы никогда не вызревали социальные группы или политические силы, приверженные экономической и политической вестернизации или же способные осуществить такой проект, и теперь их не существует. Вместо того, чтобы навязывать наши собственные желанные утверждения относительно прогресса, мы нуждаемся в том, чтобы понять тот тип общества, которое существовало, а также по каким причинам оно исчерпало себя. Понять причины, по которым оно не породило каких-либо краткосрочных или же среднесрочных альтернатив»².

И теперь, через четверть века после исчезновения коммунистической России другие слова, кроме приведенных выше, найти крайне трудно³. Но к ним вполне можно прибавить и другое суждение, основанное на новом теоретическом опыте, приобретенном на основе наблюдения за процессами, происходящими как на Западе, так и в посткоммунистической России. Нет никаких сомнений в том, что западный вариант модернизации и сам почти

¹ *Sakwa R.* Liberalism and Post-communism // *The Edinburgh Companion to Contemporary Liberalism*. General Editor Mark Evans. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. P. 276.

² *McDaniel. T.* The Agony of the Russian Idea. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 5; ср.: *Walicki A.* Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom. The Rise and Fall of the Communist Utopia. Stanford, California: Stanford University Press, 1995. P. 544–555.

³ *Николаева У.* Грозит ли России новое средневековье // Независимая газета. 2016. 25 Октября. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2016-10-25/9_6843_middleages.html

идиллический образ Запада, который когда-то был столь привлекательным для многих поколений русских либералов, почти полностью себя исчерпали. В современном мире возникают новые альтернативы как либеральному космополитическому мультикультурализму, доминировавшему на протяжении последних нескольких десятилетий, так и тому тупиковому варианту развития, который был избран посткоммунистической неонеоменклатурной элитой в 1990-е гг. с целью установления тотального контроля над национальными ресурсами и политическим процессом. Результатом псевдореформ стало вполне закономерное восстановление структурных элементов, близко напоминающих нам недавнее прошлое.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
2. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд. испр. и доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.
3. *Гайдар Е.Т.* Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009.
4. *Градовский А.Д.* Прошедшее и настоящее // Градовский А.Д. Собрание сочинений. Т. 6. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. С. 273–308.
5. *Градовский А.Д.* Общество и государство // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 3. С. 58–78.
6. *Гуторов В.А.* Современные концепции гражданского общества // Гражданский Форум. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2001. С. 47–56.
7. *Гуторов В.А.* Модернизация и посткоммунизм: критические заметки // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 6. Вып. 2. С. 4–15.
8. *Гуторов В.А.* К проблеме концептуальных оснований теории модернизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Сер. 6. Вып. 2. С. 4–23.
9. *Гуторов В.А.* Голлизм и современная Россия: утрата и обретение традиции // Гуторов В.А. Политика: наука, философия, образование. СПб: СПбГУ, Факультет Политологии, 2011. С. 73–98.
10. *Гуторов В.А.* О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 32–43.
11. *Добреньков В.И.* О крахе либерализма в России. Письмо противникам президента В.В. Путина. М.: ООО «МАКС-Пресс», 2004.

12. Либерализм в России. М.: Институт философии РАН, 1996.
13. *Лопатин В.С.* Письма, без которых история становится мифом // *Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791.* Издание подготовил В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997. С. 473–540.
14. *Медушевский А.Н.* Б.А. Кистяковский как социолог права и конституционалист // *Кистяковский Б.А. Избранное: В 2 ч. Ч. 1* [сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5–38.
15. *Николаева У.* Грозит ли России новое средневековье // *Независимая газета.* 2016. 25 октября. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2016-10-25/9_6843_middleages.html
16. *Ольшанский Д.* Либералы еще способны на политический прорыв // *Ум+.* 2016. 26 Июня. URL: <https://um.plus/2016/06/26/liberaly-eshhyo-sposobny-na-politicheskij-proryg-v/>
17. *Полеванов В.* Два месяца в вотчине Чубайса // *Новый Петербург.* 1997. 2 октября. № 38.
18. *Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы.* М.: Новое издательство, 2007.
19. *Харви Д.* Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.: ПОКОЛЕНИЕ, 2007.
20. *Bellamy R.* Liberalism and Pluralism. Towards a Politics of Compromise. New York and London: Routledge, 2001.
21. *Beume K. von.* Politische Theorien in Russland. 1789–1945. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2001.
22. *Beume K. von.* Liberalismus. Theorien des Liberalismus und Radikalismus im Zeitalter der Ideologien. 1789–1945. Wiesbaden: Springer, 2013.
23. *Blakeley R.* State Terrorism and Neoliberalism. The North in the South. L.; N.Y.: Routledge, 2009.
24. *Brands H.W.* The Strange Death of American Liberalism. New Haven; L.: Yale University Press, 2001.
25. *Crouch C.* The Strange Non-Death of Neoliberalism. Cambridge: Polity Press, 2011.
26. *Gutorov V.* Citizenship, National Identity and Political Education: Some Disputable Questions // *Studies of Transition States and Societies (STSS).* 2015. Vol.7. Issue 1. P. 77–93.
27. *Hansen K.* Feindberührungen mit versöhnlichen Ausgang — Carl Schmitt und der Liberalismus // *Carl Schmitt und die Liberalismuskritik.* Klaus Hansen/Hans Lietzmann (Hrsg.). Opladen: Leske + Budrich, 1988. S. 9–14.
28. *Harvey D.* Spaces of Neoliberalization: Toward a Theory of Uneven Geographical Development. München: Franz Steiner Verlag, 2005.
29. *Held D.* Models of Democracy. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1987.
30. *Jones T.* The Revival of British Liberalism. From Grimond to Clegg. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
31. *Kiely R.* The Clash of Globalisations. Neo-Liberalism, the Third Way and Anti-Globalisation. Leiden & Boston: Brill, 2005.

32. *Kioupkiolis A.* Freedom after the Critique of Foundations. Marx, Liberalism, Castoriadis and Agonistic Autonomy. London: Palgrave Macmillan, 2012.
33. *Krasner S.D.* Structural Conflict. The Third World against Global Liberalism. Berkeley, Los Angeles; L.: University of California Press, 1985.
34. *Lavelle A.* The Death of Social Democracy. Political Consequences in the 21st Century. Burlington: Ashgate, 2008.
35. *Maschke G.* Drei Motive im Anti-Liberalismus Carl Schmitts // Carl Schmitt und die Liberalismuskritik. Klaus Hansen/Hans Lietzmann (Hrsg.). Opladen: Leske + Budrich, 1988. S. 55–80.
36. *McCormick J. P.* Carl Schmitt's Critique of Liberalism. Against Politics as Technology. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
37. *McDaniel. T.* Autocracy, Capitalism, and Revolution in Russia. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 1988.
38. *McDaniel. T.* The Agony of the Russian Idea. Princeton: Princeton University Press, 1996.
39. Neo-Liberalism, State Power and Global Governance. Edited by Simon Lee and Stephen McBride. Dordrecht: Springer, 2007.
40. *Sakwa R.* Liberalism and Post-communism // The Edinburgh Companion to Contemporary Liberalism. General Editor Mark Evans. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. P. 269–286.
41. *Sartori G.* The Theory of Democracy Revisited. Chatham, New Jersey: Chatam House Publishers, Inc., 1987.
42. *Sartori G.* Parties and Party Systems. A Framework for Analysis. Colchester: ECPR Press, 2005.
43. *Schöpflin G.* Liberal Pluralism and Post-Communism // Can Liberal Pluralism Be Exported. Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe. Edited by Will Kymlicka and Magda Opalski. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 109–125.
44. *Steffek J.* Embedded Liberalism and Its Critics. Justifying Global Governance in the American Century. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006.
45. The Meaning of Liberalism: East and West. Edited by Zdenek Suda and Jiri Musil. Budapest: CEU Press, 2000.
46. *Walicki A.* Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom. The Rise and Fall of the Communist Utopia. Stanford, California: Stanford University Press, 1995.
47. *Wattenberg B.J.* Fighting Words. A Tale How Liberals Created Neo-Conservatism. N.Y.: Thomas Dunne Books, 2008.
48. *Weber M.* Zur Lage der bürgerlichen Demokratie in Russland // Gesammelte politische Schriften. Hrsg. Von Johannes Winkelmann. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1988. S. 33–68.